

А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за доброй нравъ,
Опь всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
Явилося къ нему посольство.

Особо же онъ быль опличенъ изъ Царей
За то, что прехъ имѣль прекрасныхъ дочерей.
Но солнце, въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаешъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:

Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И спаршихъ сеспръ своихъ доспоянство мрачила,
И розы красому, и бѣлизну лилей;
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ шому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало шоль оспѣнно,

Напрасно было бы, и было бъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь,
Опь коей многіе взыхали день и ночь,
У Грековъ пошому Гѣихея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по шолку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ спаринныхъ знаніокъ,
У Рускихъ Душенька она именовалась;

И пишущъ, что шогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Какое было ново.

Во славу Душенькѣ, у насъ опь шѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила шо Любовь въ своеемъ законѣ.

Богдановичъ.

2.

Изъ Поэмы: Людмила и Русланъ.

Ужъ упро хладное сіяло
На шемъ полунощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ ущреннемъ халашѣ,

Зѣвалъ сердито на кровати.
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы шолпились молчаливы,
 — И нѣжно гребень костяной
 Расчесываль ея извины;
 Межъ шѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились вос точны ароматы,
 И кудри хипрыя вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
 Въ окно влетаенъ змій крылатый.
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольцы быстрыя согнулся
 И вдругъ Наиной обернулся
 Предъ изумленною юношой.
 „Привѣтствую щебя, сказала,
 Собранъ, издавно читимый мнай!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою моловой,
 Но шайный рокъ соединяетъ
 Теперь насъ общею враждой:
 Тебѣ опасносТЬ угрожаенъ,
 Нависла пучка надъ тебой,
 И голосъ оскорблennой чести
 Меня къ опищенню зовенъ.“ —

Со взоромъ, полнымъ хипрой лестни,
 Ей карло руку подаетъ,
 Вѣщая: дивная Наина!
 Мнѣ драгоцѣненъ швой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Прошивникъ слабый мнѣ не спрашенъ.
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Не даромъ Черноморъ украшенъ.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишъ,
 Никто изъ Випязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубишъ
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ.
 Моею буденъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обреченъ! —
 И мрачно вѣдьма повиорила:

Погибнешь онъ, погибнешь онъ!
 Попомъ три раза прошипѣла,
 Три раза шопнула ногой
 И чернымъ зміемъ улемпѣла.

Блиста въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей об дренный,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Несин къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорноспѣ и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идеинъ въ ея палашы,
 Проходинъ длинный комнапъ рядъ,
 Княжны въ нихъ нѣть; онъ даль — въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеникѣ сада,
 Вдолъ озера, вокругъ водопада,
 Подъ мосшики, въ бесѣдки. . . . нѣшъ!
 Княжна ушла; пропалъ и слѣдъ.
 Кто выразинъ его смущенъе,
 И ревъ и шрепешъ изспупленъя!
 Съ досады дая не взвидѣль онъ.
 Раздался карла дикій спонъ:
 „Сюда, невольники! бѣгипе
 Сюда, надѣюсь я на васъ!
 Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите!
 Скорѣе, слышинше лѣ? сей часъ!
 Не шо — шушише вы со мною —
 Всѣхъ удавлю васъ бородою!“

Чипашель, разскажу лѣ шебѣ,
 Куда красавица дѣвалась?
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась — и смѣялась.
 Ее пугала борода;
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣсшенъ
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣщенъ.
 На всшрѣчу упренимъ лучамъ
 Постель оспавила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чиснымъ зеркаламъ,
 Невольно кудри золотыя
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы гусьные
 Рукой небрежной заплела;

Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла,
 Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонько плакашь начала,
 Однако съ вѣрнаго спекла,
 Вздыхая, не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненіи своенравныхъ думъ ,
 Примѣришь шапку Черномора.
 Все шико. Никою здѣсь нѣшипъ,
 Никто на дѣвушку не взглянешъ,
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣти,
 Какая шапка не присланешъ?
 Рядишишься никогда не лѣни.
 Людмила шапкой завершѣла
 На брови, прямо, на бекренъ,
 И задомъ на передъ надѣла.
 И что же? чудо спарыхъ дней !
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула, — передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла, — снова нѣшипъ ;
 Сняла — и въ зеркалѣ. „Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро, мой сѣнѣпъ !
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
 Теперь избавлюсь опѣ хлопотъ!“
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна опѣ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ напередъ,

Но возвращимся же къ Герою.
 Не спыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бородою ,
 Руслана поручь судьбамъ.
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жеснокой,
 Проѣхаль онъ дремучий лѣсъ.
 Предъ нимъ опкрылся долъ широкой
 При блескѣ утреннихъ небесь.
 Трепещешъ винязъ по цеволѣ :
 Онъ видинъ спарой бишви поле.
 Вдали все пусцио. Здѣсь и шамъ
 Желинѣюпъ косини; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лашы ;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ,
 Въ косиняхъ руки здѣсь мечъ лежинъ,

Травой обросъ шамъ шлемъ косматый,
 И спарый черепъ плѣшь въ немъ.
 Богатыря шамъ оспавъ цѣлый
 Съ свѣтимъ поверженнымъ конемъ
 Дежишъ недвижный, копья, спрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваешьъ.
 Ничинъ безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаешьъ,
 И солнце съ ясной выпиной
 Долину смерти озаряешьъ.

Со вздохомъ вишазъ вокругъ себя
 Взираешьъ грустными очами,
 „О поле, поле! кто тебѣ
 Усѣяль мершими коспями?
 Чей борзый конь тебѣ топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой паль?
 Чьи небо слышало моливы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло правой забвенья?
 Временъ опять вѣчной шемноши,
 Быть можетъ, нѣсть и мнѣ спасенья;
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Посставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И спруны громкія Бояновъ
 Не будущъ говоришь объ немъ.“

Но вскорѣ вспомнилъ вишазъ мой,
 Что добрый мечъ Герою нуженъ
 И даже панцырь; а Герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходишь поле онъ вокругъ,
 Въ кусахъ, среди коспей забвенныхъ,
 Въ громадѣ плѣняющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищешь онъ.
 Проснулись гуль и сшепь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ.
 Онъ поднялъ щипъ, не выбирая,
 Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ.
 Но лишь меча сыскать не могъ.
 Долчу браны обѣзжая,
 Онъ видѣлъ множество мечей;

Но веъ легки, да слишкомъ малы,
А Князь красавецъ быль не вялый,
Не то, чио Вишэзь нашихъ дней.
Чиобъ чюмъ нибудь ожи пъ още скуки,
Копье спальное взяль онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣль на грудь
И далѣе пуспился въ пущу.

Ужъ поблѣднѣль закапъ румянный
 Надъ усыпленною землей;
 Дымящися синіе шуманы,
 И всходиши мѣсяцъ золотой.
 Померкла спесь. Тропою темной,
 Задумчивъ, ъдесть наиль Русланъ.
 И видишъ сквозь ночной шуманъ
 Вдали чернѣешъ холмъ огромный
 И чѣшко-спрашное хранишъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе, слышимъ,
 Чудесный холмъ какъ будто дышашъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ.
 Безпрепечно, съ спокойнымъ духомъ,
 Но шевеля пугливымъ ухомъ,
 Конь упирается, дрожиши,
 Трясешь упрамой головою
 И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ шуманѣ блѣдно озарясь,
 Ясишъ: смоширишъ храбрый Князь —
 И чудо видишь предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова.
 Огромны очи, сномъ обѣяты;
 Храпитъ, качая шлемъ пернашый,
 И перья въ шемной высочѣ,
 Какъ иѣни ходяши, развѣвались.
 Въ своей ужасной красопѣ
 Надъ мрачной спесью возвышаясь,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пуспины спорожъ безъимянной,
 Руслану предспоинъ она
 Громадой грозной и шуманной.
 Въ недоумѣніи хочешъ онъ
 Таинственны разрушить сонъ.
 Вблизи османпраивая диво,
 Обѣхалъ голову кругомъ

И спалъ предъ носомъ молчаливо.
 Щекониши ноздри копіемъ,
 И сморщась, голова зѣвнула,
 Глаза ошкрыла и чихнула....
 Поднялся вихорь, спесь дрогнула
 Взвилася пыль; съ рѣсицъ, съ усовъ,
 Съ бровей слепѣла спая совъ;
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо — конь решивый
 Заржаль, запрыгалъ, отлешѣль;
 Едва самъ рыцарь усидѣль,
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 „Куда ишы, Вишнѣзъ неразумный?
 Сиупай назадъ, я не шучу
 Какъ разъ нахала проглочу!“
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 „Чего ишы хочешь опѣ менѧ?“
 Нахмурясь голова вскричала:
 „Вонъ госпія мнѣ судьба послала!
 „Послушай, убирайся прочь
 „Я спаинъ хочу, шептерь ужъ ночь,
 „Прощай!“ Но Вишнѣзъ знаменипшій
 Услыша грубыя слова,
 Воскинуль съ важносію сердилый;
 — „Молчи, пустая голова!
 Слыхаль я испину бывало:
 Хонъ лобъ широкъ, да мозгу мало.
 Я ъду, ъду не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу.“—

Тогда, опѣ яростни нѣмѣя,
 Смѣсенной злой пламеня,
 Надулась голова. Какъ жарѣ
 Кровавы очи засверкали;
 Наиѣнясь, губы задрожали,
 Изъ уснѣ, ушей поднялся паръ —
 И вдругъ она, чио было мочи,
 На вспрѣчу Князю спала душъ.
 Напрасно конь, зажмуря очи,
 Склонивъ главу, напужа грудь,
 Слозъ вихорь, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ пушъ.
 Объятый спрахомъ, осѣпленный,
 Онь мтишся вновъ, изнеможенный,

Далече въ полѣ опдохнушь.
 Вновь обратиши ся Витязь хочешъ,
 Вкось ошраженъ, надежды нѣшъ.
 А голова ему во слѣдъ,
 Какъ сумасшедшая хохочешъ.
 Гремишъ: „Ай, Витязь! ай, Герой!
 „Куда пы? Тише, шише, спой!
 „О Витязь! шею сломишь даромъ
 „Не прусь, наездникъ, и меня
 „Порадуй хошь однимъ ударомъ,
 „Пока не замориль коня.“
 И между швмъ она Героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозишъ ей молча копіемъ,
 Трясешь его рукой свободной,
 И задрожавъ булавъ холодной
 Вонзился въ дерзоспинный языкъ,
 И кровь изъ бѣщенаго зѣва
 Рѣкою побѣжала въ мигъ.
 Онь удивленья, боли, гнѣва
 Въ минуту дерзости лишась,
 На Князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣдила,
 Въ спокойномъ духѣ горячась:
 Такъ иногда средь нашей сцены
 Плохой птишомецъ Мельпомены,
 Внезапнымъ свистомъ оглушень,
 Ужь ничего не видишъ онъ,
 Блѣдишь, ролю забываешьъ,
 Дрожишь, поникнувъ головой,
 И заикаясь умолкаешьъ
 Передъ насыщенной щолпой.
 Счастливымъ пользуясь мгновенiemъ,
 Къ обѣашой головѣ смущенiemъ
 Какъ яспребъ богатырь лепили
 Съ подъяшой, грозною десницей,
 И въ щеку пяжкой рукавицей
 Съ размаху голову разипъ,
 И спесь ударомъ огласилась;
 Кругомъ росисная шрава
 Кровавой пѣной обагрилась,
 И зашатавшись, голова
 Перевернулась, поканилась,
 И шлемъ чугунный засшучалъ.

Тогда, на мѣстѣ опустѣломъ,
Мечь богатырскій засверкаль.
Нашъ Вишнѣзъ въ інрепешѣ веселомъ
Его схвашиль и къ головѣ
По окровавленной правѣ
Бѣжинъ съ намѣренiemъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубиша.
Уже Русланъ головъ разиша,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ; —
Вдругъ, изумленный, внемлеши онъ
Главы молящей жалкій спонъ . . .
И шихо мечъ онъ опускаешъ.
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираешъ,
И мщеніе бурное падешъ
Въ душѣ, моленіемъ усмиренної :
Такъ на долинѣ шаешъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженної.

„Ты вразумилъ меня, Герой,
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой,
Ошнынъ я тебѣ послушенъ ;
Но, Вишнѣзъ, будь великодушенъ!
Доспоинъ плача жребій мой:
И я былъ Вишнѣзъ удалой,
Въ кровавыхъ бишвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрељъ;
Счастливъ, когда бы не имѣль
Соперникомъ меньшаго браша !
Коварный, злобный Черноморъ
Ты, ты, всѣхъ бѣдъ моихъ виною !
Семейспива нашего позоръ,
Рожденный карломъ съ бородою ,
Мой дивный роспѣшъ опъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣти,
И спаль за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣши.
Я былъ всегда немногого проспѣхъ,
Хотя высокъ, а сей несчастный,
Имѣя самый глупый роспѣхъ,
Умень какъ бѣсь — и золь ужасно.
Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таинская сила роковая ,

И все на свѣшѣ презирая,
 Доколѣ борода цѣла,
 Измѣнникъ не спрашивалъ зла.
 Вопль онъ однажды, съ видомъ дружбы,
 Послушай, хищро мнѣ сказалъ,
 Не ошкожись опль важной службы :
 Я въ черныхъ книгахъ ошыскаль,
 Чѣпо за воспоминными горами
 На шихихъ моря берегахъ
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
 Хранился мечъ — и чѣо же? спрахъ!
 Я разобралъ во штымъ волшебной
 Чѣпо волею Судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣстенъ будепъ намъ,
 Чѣпо насъ обоихъ онъ погубилъ,
 Мнѣ бороду мою ошрубилъ,
 Тебѣ главу, — суди же самъ,
 Сколь важно намъ пріобрѣтенье
 Сего созданья злыхъ духовъ. —
 „Ну, чѣпо же? гдѣ шупль запрудненъ?
 Сказалъ я карлу, я гоповъ;
 Иду хопль за предѣлы свѣща.“ —
 И сосну на плечо взвалилъ,
 А на другое для совѣша
 Злодѣя — брапа посадиль.
 Пуснился въ дальную дорогу,
 Шагаль, шагаль, и, слава Богу!
 Какъ бы пророчесиву на зло,
 Все счастливо сначала шло.
 За ошдаленными горами,
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я размешалъ его руками
 И попаенный мечъ доспалъ.
 Но нѣпль! судьба шного хопѣла
 Межъ нами скора закипѣла;
 И было, признаюсь, о чѣо.
 Вопросъ: кому владѣнъ мечемъ?
 Я спорилъ, карло горячился;
 Бралились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хищрецъ:
 Пришихъ и будто бы смягчился.
 — „Оспавимъ безполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ,
 Мы шѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жиши велишъ.

Судьбѣ рѣшишь мы предоспавимъ,
 Кому сей мечъ принадлежилъ.
 Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
 (Чего не выдумаешь злоба?)
 И кшо услышишь первый звонъ,
 Томъ и владѣй мечемъ до гроба.“ —
 Сказалъ и легъ на землю онъ.
 Я съ дуру такжे распялся,
 Лежу, не слышу ничего ,
 Смѣкая: обману его!
 Но самъ жесшоко обманулъся.
 Злодѣй въ глубокой шишинѣ
 Привспалъ, на цыпочкакъ ко мнѣ
 Подкрался сзади, размахнулся,
 Какъ вихорь свиснулъ осирый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглянулся,
 Ужъ голова слепѣла съ плечь.
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила.
 Мой оспавъ шерніемъ обросъ,
 Вдали, въ странѣ, людьми забвенной
 Исплѣль мой прахъ непогребеной,
 Но злобный карло перенесъ
 Меня въ сей край уединенной,
 Гдѣ вѣчно долженъ быль сперечь
 Тобой сего дня взяшый мечъ.
О Вишнѣзъ! мы хранимъ судьбою
 Возьми его, и Богъ съ шобою !
 Быть можетъ, на свое мѣсто
 Ты карла чаредѣя всшрѣшишь,
 Ахъ! если жъ мы его замѣшишь
 Коварству, злобѣ отомсши !
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно міръ оставлю сей,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду.“

A. Пушкинъ.

3) Комическая Поэма.

§ 120. Комическая Эпопея противоположна героической. Она есть птическое повѣстование о неважномъ комическомъ происшествії